

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

РАЗГОВОРЧИКИ

Пермь: что дальше?

Цикл дискуссий, организованный в рамках фестиваля «Текстура», так и не помог ответить на этот вопрос

Юлия Баталина,
журналист

Цикл из четырёх дискуссий можно условно поделить на две равные части. Первые две — «Как получить художественное образование» и «Как открыть театр без государственного финансирования» — прошли очень спокойно. Выступавшие были преимущественно иногородние — из Москвы, Санкт-Петербурга и даже Костромы, и их опыт оказался весьма любопытен, но далеко не всегда применим к пермской ситуации. Две последние дискуссии, посвящённые стрит-арту и пермской прессе, прошли гораздо живее: спикеры были преимущественно пермские, вопросы обсуждались острые.

Цена профессии

Дискуссия «Как получить художественное образование» собрала огромное количество слушателей: исправно пришли студенты Пермской академии искусства и культуры, колледжей искусств.

То, что арт-директор «Текстуры» Эдуард Бояков персонально вёл эту дискуссию, связано с его нынешним родом занятий: он является ректором Воронежской академии искусств. Прежде всего, он обозначил цель — «посудачить о Перми», сообщив, что это «одно из любимых занятий в продвинутой московской тусовке».

О художественном образовании говорили организаторы различных негосударственных образовательных проектов и институций. Все признавали, что «существует острый дефицит профессионалов в сфере культуры», прежде всего, в областях, связанных с современными технологиями и новыми медиа, но в то же время выпускники художественных вузов и училищ «не могут себя применить».

Налицо отсутствие корреляции между образованием и современными художественными практиками. Именно в эту нишу попала Британская высшая школа дизайна (Москва), которую Бояков назвал «знаменитой «Британкой»». Здесь учат созданию видеоигр, компьютерным спецэффектам, 3D-анимации и прочим подобным вещам, которые, конечно, весьма востребованы — пока не наступило перепроизводство специалистов.

Вообще, разговор преимущественно касался практических специальностей. Не то чтобы спикеры не придавали значения фундаментальным знаниям —

Заголовок серии дискуссий недвусмысленно давал понять: «дальше» — это после так называемой «культурной революции», она же — «пермский проект». Таким образом, фестиваль «Текстура» объявлял о своей причастности к проекту и озабоченности по поводу его результатов и наследия. Прояснить ситуацию благодаря дискуссиям удалось не очень. Причин много, в первую очередь — состав спикеров, среди которых по понятным причинам не было ни идеологов прошедшего «эксперимента», если не считать Эдуарда Боякова, ни нынешних руководителей сферы культуры Перми и края. Таким образом, многие из прозвучавших вопросов были адресованы в пустоту.

пара раз звучали реплики по поводу низкого уровня общей эрудиции у выпускников художественных вузов, но вопрос практического применения полученных профессиональных навыков явно казался им более актуальным.

«В России снимать кино до сих пор учат по книгам!» — с укором произнёс один из спикеров.

К платному образованию современные медийные педагоги относятся очень позитивно (все они, не считая Боякова, работают в коммерческих образовательных проектах), поскольку, по словам директора Московской школы кино и Школы компьютерной графики Scream School Екатерины Черкесзаде, студенты-бюджетники относятся к образованию как к халяве, по принципу «Научите меня!», тогда как знаний нужно добиваться, как истинной ценности, имеющей адекватную рыночную цену. Разумеется, все согласны с тем, что особо талантливые студенты должны учиться бесплатно, на специально полученные гранты и стипендии.

Эдуард Бояков выступал как решительный реформатор, сообщив: «Художественное образование в России потеряно. Точка. Система вузов, консерваторий, институтов продолжает осваивать дикие государственные деньги, которые могут быть использованы гораздо эффективнее».

В возглавляемой Бояковым академии сам он намерен ввести систему обучения, в которой студенты будут тратить одну четверть учебного времени на лекционные занятия с местными, то есть воронежскими, профессорами и преподавателями, четверть — на аналогичные занятия с приглашёнными специалистами, четверть — на практику «дома» и последнюю четверть — на выездную практику.

Опыт общения с российской глубиной принёс Боякову ощущение того, что «провинция дика; большинство людей в Перми и в Воронеже не знают, что на Винзаводе не вино гонят». Отсюда спикер сделал вывод, что проблема «утечки мозгов» из провинции в столицу по-прежнему актуальна (об этом много говорили на всех дискуссиях, однажды даже довелось услышать, что «в Москве деваться некуда от этих пермяков»): продвинутые провинциалы не желают жить в дикости и перебираются поближе к Винзаводу.

«Если москвичи, эти зажавшиеся сволочи, не поедут в провинцию, то вся провинция поедет в Москву!» — сообщил Бояков.

В этом, по мнению спикеров, и состоит прогрессивность «пермского проекта»: москвичи, поехав в провинцию, выполнили образовательную функцию, «продвинув» часть местной молодёжи в направлении новой художественной реальности.

«Если бы не было Марата Гельмана, не было бы ни Пермской синемаатеки, ни концерта Лейпцигского оркестра в Пермской филармонии», — считает Бояков. Тот факт, что та же Пермская синемаатека появилась за два года до «пришествия» в Пермь Гельмана, для него не довод: важен принцип.

Пермь на этой дискуссии представлял Павел Печёнкин, директор той самой Пермской синемаатеки, который, разумеется, имеет некоторое отношение к художественному образованию (выпустил нескольких вполне перспективных учеников-режиссёров), но, скорее, всё-таки к просвещению («Вуз-Флаэртиана» и т. д.). Говорил он мало. Жаль, что не было представителей власти, которые могли бы рассказать о концепции реформы художественного образования в Пермском крае, долго и тщательно разрабатывавшейся и вошедшей в качестве составной части в госпрограмму «Культура Пермского края». Было бы любопытно сравнить этот мудрёный концепт с современными практиками, носителями которых являются представители той же «Британки».

Без бюджета — никуда

Дискуссия о негосударственных театрах совсем не была похожа на дискуссию. Представители независимых театральных институций из Москвы, Санкт-Петербурга и Костромы заявляли о своём принципиальном неприятии государственных структур. По словам многих спикеров, они вовсе не стремятся к бюджетному финансированию по принципиальным соображениям, стремясь быть как можно дальше от возможной цензуры.

Все гости представляли экспериментальные проекты, связанные с новыми формами сценического искусства, — перформансами, современным танцем, документальным театром, и лишь пермячка

Марина Оленёва является художественным руководителем камерного драматического театра — «Новой драмы».

Обсудили все возможные способы получения денег на театральные проекты: гранты, краудфандинг, обычное спонсорство. И пришли в результате к тому, от чего так активно отталкивались: в той или иной мере театры выживают лишь при помощи государства. Та же пермская «Новая драма», хоть и не получает ни копейки из бюджета, существует при бюджетном учреждении — Дворце творчества юных, на его площадях.

Получается, что открыть театр уж совсем без бюджетного финансирования — это пока утопия. По крайней мере, в Перми.

Искусство и город: любовь и ненависть

Наиболее острой была дискуссия «Искусство в пространстве города», посвящённая пресловутым «красным человечкам» и стрит-арту вообще. Модератор Арсений Сергеев — создатель и руководитель школы художников «Арт-политика» — сообщил, что «пермская ситуация исключительно во всех смыслах: период внедрения публичного искусства в среду кончился, и должен начаться новый этап с новыми правилами игры, которые пока не разрабатываются». Он же сослался на проект «Пермский край — территория культуры» как на продолжение «пермского проекта», поскольку в этом конкурсе в качестве обязательного условия для получения гранта присутствует требование создания арт-объектов в городской среде.

Руководитель публичного искусства PERMM Наиля Аллахвердиева признала для начала, что для неё это первая публичная дискуссия в Перми за всё время действия проекта: «Мы мало разговаривали и очень много делали». Она вкратце напомнила историю создания публичного искусства, идея которой впервые прозвучала на Пермском экономическом форуме в Демидково в 2009 году, а также сформулировала её задачу.

Наиля Аллахвердиева, руководитель публичного искусства музея PERMM:

— Задачей было внедрение современного искусства в среду, подготовка публики. Был создан Музей современного искусства, но у него не было публики. Не было спроса. Мы не старались показать что-то понятное, задача была — показать современное искусство, связать его с пермским городским контекстом. Это катализатор смыслов, заложенных в городском пространстве.

По мнению Аллахвердиевой, сложности и неудачи проекта связаны с тем, что он оказался в гуще политических коннотаций, однако в целом результаты проекта она оценивает как сугубо положительные: «Было создано более 40 объектов. «Длинные истории Перми» охватили весь город. Это очень важно в мрачной урбанистической среде. Бесследно это не пройдёт, станет фундаментом для новой ситуации».